

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛЕНКО

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

ЦВЕТЫ
со ШРАМАМИ

СУДЬБЫ
ЖЕНЩИН
В РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ИЗМЕНА, ДРУЖБА,
НАСИЛИЕ и ЛЮБОВЬ

Личность в истории (АСТ)

Василий Гавриленко

**Цветы со шрамами. Судьбы
женщин в русской истории.
Измена, дружба, насилие и любовь**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 82-94
ББК 84стд1-46

Гавриленко В. Д.

Цветы со шрамами. Судьбы женщин в русской истории. Измена, дружба, насилие и любовь / В. Д. Гавриленко — «Издательство АСТ», 2023 — (Личность в истории (АСТ))

ISBN 978-5-17-160669-5

Мы привыкли видеть историю в батальных сценах и героических биографиях полководцев, царей, писателей. Чаще всего мужчин. Жизни женщин как части народа долгое время оставались в тени. Хотя именно то, что кажется незначительным, чаще всего и составляет самую суть истории. Пленная турчанка, ставшая дочерью полка, проигранная в карты аристократка, девочка-подкидыш, превратившаяся в великую актрису, дочери вельмож – разменные монеты в придворных интригах. Прекрасные, но полные грусти и тоски глаза видели самые гнусные проявления мужской натуры, наблюдали самые высокие проявления человеческой души. На фоне тьмы всегда загорались настоящая любовь, дружба и благородство. Невероятная любовь и жертвенность, невозможное безумство и жестокость, неожиданные повороты судьбы и великие трагедии. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94
ББК 84стд1-46

ISBN 978-5-17-160669-5

© Гавриленко В. Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Терпеть боль	5
Вошла в тело	8
«Обрюхачена»	13
На глазах у отца	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Василий Гавриленко

Цветы со шрамами. Судьбы женщин в русской истории. Измена, дружба, насилие и любовь

Терпеть боль

«Анька, спишь?» – шепот мужа обдал плечо тринадцатилетней Анны. Нет, она не спала, но не подала вида.

Убедившись, что супруга спит, Александр Матвеевич поднялся и, набросив халат, стал красться к выходу из комнаты. В сенях почивала Матрена – молодая дородная крестьянская девка.

Анна услышала скабрезную шутку мужа, приглушенный смех Матрены и открыла глаза. Межкомнатных дверей в доме не было, в сени падал лунный свет и все было прекрасно видно.

Барышине не хотелось смотреть на происходящее, но она, сжав зубы, смотрела. Ведь не зря дорогая маменька с раннего детства учила ее терпеть боль...

В семье надворного советника Евдокима Яковлевича Яковлева 28 ноября 1758 года родилась девочка, которую называли Анной. Ее детство прошло в деревенской усадьбе неподалеку от Екатеринбурга.

Анной занималась мать – женщина властная, строгая и очень религиозная. С ранних лет девочку воспитывали с учетом грядущего замужества и рождения детей. Мать приучала Анну «терпеть боль», так как для женщины это «естественное состояние». По мнению Яковлевой-старшей, спартанская выучка должна была помочь Анне вытерпеть боль при родах. Девочку кормили грубой пищей, в холодную погоду легко одевали, ограничивали сон и заставляли работать физически.

При всей подготовке к замужеству и постоянных разговорах о нем Анне ровным счетом ничего не говорили об отношениях мужчины и женщины. Даже французские романы – единственный источник информации о взрослой жизни для дворянских дочерей – Анне было строго-настрого запрещено читать.

Мать постоянно твердила о том, как важно поскорее выйти замуж, спрятаться за спиной мужа от тягот и треволнений жизни. По словам помещицы, на пути от девчества до замужества было крайне важно не «пасть», не оказаться «обесчеченной» и «погибшей».

Когда Анне исполнилось 13 лет, ее выдали замуж за «доброго» жениха – 27-летнего будущего маркшейдера (горного инженера) Берг-коллегии Александра Матвеевича Карамышева. Александр Матвеевич, несмотря на достаточно молодой возраст, преподавал химию в горном училище, занимался геологической разведкой по всему русскому Северу.

Свадьба состоялась 21 мая 1772 года, сразу после которой Карамышев забрал юную жену в Петербург. В своих знаменитых мемуарах, которые Анна Евдокимовна начала писать в зрелом возрасте, она рассказала об испуге, который охватил ее, когда в первую ночь почти тридцатилетний Карамышев стал намекать ей на необходимость отдать супружеский долг. Анна наотрез отказалась, и Александр Матвеевич, что называется, подался в разгул: карты, выпивка, крестьянские девицы. Причем все это происходило не в каком-нибудь кабаке, а прямо в доме Карамышевых.

Вскоре Александр Матвеевич привел в «супружеское гнездышко» свою племянницу – молодую красивую девушку. Вот как эти события описала в дневнике Анна:

«Приехали в город, начались веселья у нас в доме, в которых я не могла участвовать. Племянницу свою взял к себе жить. Днем все вместе, а когда расходились спать, то ночью приходила к нам его племянница и ложилась с нами спать. А ежели ей покажется тесно или для других каких причин, которых я тогда не понимала, меня отправляли спать на канаве».

Так Анна, не совсем осознавая, что происходит вокруг, жила в доме на правах то ли приживалки, то ли воспитанницы. Карамышев, впрочем, к ней не притрагивался, однако Анне от этого было ненамного легче:

«Ночью, так как от болезни сна у меня не было, я лежала молча, опасаясь обеспокоить мужа моего, вижу, что он встает очень тихо и подходит ко мне, спрашивает, сплю ли я?

Но я не отвечала ему, и он, уверившись, что я сплю, пошел в другую комнату, где спала девка, и я увидела все мерзости, которые он с ней делал!

Я видела свое несчастье и считала худшим...».

Однако худшее было впереди. Муж Анны совсем распоясался:

«Была у нас девочка десяти лет, которая служила матушке: водила ее и подавала что должно; он и до этой девочки добрался. Меня не было дома...»

Анна прекрасно понимала, насколько безнравственен и порочен ее муж, но поделать ничего не могла: разводы в империи были большой редкостью и требовали от женщины огромных усилий и денег. Где все это было взять пятнадцатилетней девочке?

С Карамышевым Анне пришлось много попутешествовать по России. Семья жила в Екатеринбурге, в Петрозаводске, на Медвежьих островах. И повсюду Александр Матвеевич находил себе «подруг».

В 1774 году Карамышевы перебрались в Петербург, где прожили более пяти лет. Анне наконец-то повезло, ее покровителем и добрым ангелом стал знаменитый русский поэт Михаил Херасков. Михаил Матвеевич был вице-президентом Берг-коллегии и непосредственным начальником Карамышева. В Хераскове барышня «нашла себе второго отца, который всячески оберегал ее от несправедливостей мужа».

В своих мемуарах Анна отзывается о Михаиле Матвеевиче и его супруге Елизавете Васильевне с исключительной теплотой. В доме Херасковых к ней относились как к дочери, заботились об ее образовании и воспитании.

После того как Карамышева назначили директором банковской конторы в Иркутске, Анне снова пришлось покинуть столицу. На протяжении нескольких лет она жила с мужем в Иркутске и Нерчинске. И здесь Анне приходилось терпеть несправедливости от супруга:

«В первом часу приехал муж мой пьян и чрезвычайно сердит, разделся и лег; я уже была в постели.

... Начал меня бранить и называть непокорною женою и не любящею мужа своего и что он несчастлив мной очень...

Потом вытолкнул меня на крыльцо в одной юбке и без чулок, и сени запер.

Сколько от горести, а более от морозу, дух у меня занимало.

Вдруг вижу – идет кто-то к крыльцу на стон мой, и я узнала, что это Феклист, но я уж говорить не могла. Он взял меня на руки и снес в баню, которая накануне была топлена, надел на меня свою шубу, затопил печь, согрел

воды с шалфеем и напоил меня и горько плакал: „Ты, мать наша, всех нас несчастнее! Нам доставляешь покой, а сама не имеешь!“»

Карамышевы возвратились в Петербург. Длительное пребывание на Севере подорвало здоровье Александра Матвеевича: он начал подолгу и тяжело болеть. Карамышев скончался 22 ноября 1791 года в возрасте 47 лет.

Анна стала вдовой в 33 года. На повторное замужество она не рассчитывала: молодость прошла рядом с мужем, которого она презирала, и ожидать, что кто-то составит ей партию, не приходилось.

Однако нашелся тот, кто сделал Анну счастливой.

Александр Федорович Лабзин был моложе госпожи Карамышевой почти на восемь лет. Молодой красавец, блестящий философ, писатель, издатель, переводчик, один из крупнейших деятелей русского масонства.

Мистически настроенный Лабзин, основатель масонской ложи «Умирующий сфинкс», нашел в религиозной Анне верного друга и сторонника.

Брак был заключен 15 октября 1794 года. Годы, проведенные рядом с Александром Федоровичем, Анна считала своего рода компенсацией за те несчастья, что она перенесла:

«Жизнь со вторым мужем, продолжавшаяся около 29 лет, была, в противоположность жизни с Карамышевым, от которого я перенесла много страданий, исполнена счастья».

Анна помогала мужу в издательском деле, редактировала его статьи, переводила масонскую литературу, участвовала в заседаниях «Умирующего сфинкса».

Муж стал для Анны центром Вселенной: она любила его больше жизни. И Александр Федорович отвечал супруге полной взаимностью.

В 1822 году Лабзина отправили в ссылку в Сибирь. Анна, ни мгновения не сомневаясь, поехала вместе с ним.

26 января 1825 года, находясь в ссылке в Симбирске, Александр Федорович простудился и умер на руках у жены. Горе, которое испытала Анна Евдокимовна, трудно описать словами.

После смерти дорогого супруга Лабзина переехала в Москву, где стала приживалкой в семье профессора московского университета М. Я. Мудрова. Последние годы жизни посвятила написанию мемуаров. Детей ни от Карамышева, ни от Лабзина у Анны Евдокимовны не было.

3 октября 1828 года Анна Евдокимовна тихо скончалась в Москве в возрасте 69 лет. Лишь в 1903 году была издана книга «Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной», ставшая настоящей сенсацией и до сих пор являющаяся ценнейшим источником сведений о жизни российского дворянства XVIII–XIX веков.

Так сложилась жизнь женщины, которую в 13 лет мать учила «терпеть боль» и отдала замуж за порочного человека. Казалось, что счастье для Анны в этом мире не было предусмотрено... Но оно случилось.

Вошла в тело

«Поиграем в мужа и жену?» – смеясь, воскликнул одиннадцатилетний император. Пятнадцатилетняя Мария побледнела, едва не упав в обморок. Этот капризный, жестокий подросток был ей противен, его поступки и игры ужасали.

Увы, подделать Мария ничего не могла: злой и распущенный недоросль был не только ее женихом, но и государем. Красавица вспомнила напутственные слова своего дорогого батюшки, требовавшего быть ласковой с императором и выполнять все его приказы.

Изящная дрожащая ручка несчастной невесты потянулась к инуровке платья, но государь вдруг воскликнул: «С тобой неинтересно, фарфоровая кукла! Дениска, зови Аньку и Лизавету!»

Паж стремительно кинулся к дверям, и через минуту в них вбежали, весело смеясь, две фрейлины. Не удостоив даже взглядом ошолбевшую от унижения Марию, красавицы присели на ложе его величества.

Игра в мужа и жену началась.

В семье Александра Даниловича Меншикова 26 декабря 1711 года произошло долгожданное событие: его супруга, Дарья Михайловна Арсеньева, подарила светлейшему князю малютку-дочку, назвали которую Марией.

Батюшка новорожденной являлся в ту пору правой рукой государя Петра Алексеевича. «Полудержавный властелин», в босоногом детстве продававший пироги в Москве, ныне вместе с царем вершил судьбу Руси, создавая из Московского царства величайшую империю в мире.

Дочку Данилыч обожал и стремился дать ей наилучшее образование. Когда Марии исполнилось шесть лет, в дом Меншиковых были приглашены учителя-иностранцы, обучавшие девочку языкам, пению и танцам.

Александр Данилович очень рано начал задумываться о женихе для дочери. По мнению светлейшего, тянуть с этим делом не следовало, ведь сегодня он был в фаворе, но кто знал, как судьба распорядится завтра. Нужно было успеть выдать дочь за знатного да богатого человека, что обеспечит и ее будущее, и будущее зарождающегося славного рода Меншиковых.

В России Данилыч женихов для дочери не видел: подобно Петру I, он не шибко жаловал старую русскую аристократию, вышедшую из боярских палат, пропахших брусничным морсом да кислыми щами. В этом вопросе Меншиков смотрел на «цивилизованный» Запад.

В 1720 году во время встречи Меншикова с литовским гетманом Яном Сапегой зашла речь и о будущем детей двух государственных мужей – 9-летней Марии и 20-летнего Петра.

Александр Данилович посчитал Петра Сапегу весьма привлекательной партией для своей дочери: потомственный граф, сын богатейшего человека Речи Посполитой, претендента на польский трон. Да и сам Петр считался вполне вероятным соискателем короны великой династии Ягеллонов. Породниться с Сапегами для Меншиковых было очень престижно. Да, Мария Александровна была княжной, но вот только отец ее не так давно кричал на извозчикьем вокзале в Москве: «Кому пироги сладкие, да с капусткой, да с брусникой?»

К тому же Петр Сапега был красавцем. Конечно, разница в возрасте была велика, но в те времена на такие мелочи смотреть было не принято, а кроме того, Данилыч и граф Ян Казимир договорились, что жених подождет, пока невеста «войдет в тело».

Ожидать этого момента Петру предстояло в России. В 1721 году юный граф приехал в Петербург. Из уважения к Данилычу Сапега сменил европейский костюм на вошедший тогда в моду в России зеленый сюртук, как у Петра I.

Меншиков поселил будущего зятя в своем великолепном дворце на набережной Невы.

Петр редко видел десятилетнюю невесту, но этого хватило, чтобы девочка влюбилась в галантного графа полудетской влюбленностью. Сапега, впрочем, большого интереса к Марии

не проявлял. С первых дней в Петербурге он погрузился в светскую жизнь столицы и немало времени проводил в царском дворце, премило общаясь с красивыми фрейлинами.

Император Петр I скончался 28 января 1725 года в Петербурге в возрасте 52 лет.

Марии к тому моменту исполнилось 13 лет, и она превратилась в прехорошенькую девушку. Петр Сапега также времени даром не терял: за четыре года он занял при императорском дворе весьма заметное место.

Новой самодержицей всероссийской стала Екатерина I, которую до крещения звали Мартой Скавронской. Екатерина исключительно благоволила Меншикову и была благодарна ему за все, что он для нее сделал. А сделал он немало.

Привлекательную прибалтийскую крестьянку Марту захватил в плен во время русского наступления на Мариенбург (современный город Алуksне в Латвии) пожилой фельдмаршал Борис Шереметев, и сразу же сделал своей метрессой (любовницей). Вскоре красавица заинтересовала Меншикова, и светлейший отнял ее у Шереметева, к большому того неудовольствию.

Однако и с Данилычем Марта пробыла недолго: ее заметил сам государь Петр I. Меншиков государевой воле разумно противиться не стал, хоть и крепко был к Марте привязан.

Петр полюбил Скавронскую до безумия, окрестил ее Катенькой (после перехода в православие она стала Екатериной Алексеевной Михайловой) и женился.

После смерти Петра Меншиков с помощью гвардии возвел Екатерину на престол и фактически стал единоличным правителем государства, самым могущественным человеком в империи.

Судьба Марии Меншиковой сильно интересовала Екатерину I, равно как и будущее Петра Сапеги. Польский шляхтич являлся одним из фаворитов любвеобильной императрицы, и, давая благословение на брак его с дочерью светлейшего, царица, что называется, «отрывала от себя».

В марте 1726 года архиепископ Феофан Прокопович в присутствии всего императорского двора обручил 25-летнего Петра Сапегу с 14-летней красавицей Марией Меншиковой.

Александр Данилович по случаю обручения дочери закатил в своем дворце роскошный бал. Казалось, счастьем молодых ничто не могло помешать. Мария обожала своего жениха, Петр отвечал ей взаимностью. Не было никаких проблем и с деньгами: 100 тысяч рублей выделила Екатерина I, а отец невесты расщедрился аж на 700 тысяч золотых.

Однако время шло, а свадьба все откладывалась. Александру Даниловичу, ставшему фактически правителем государства, Петр Сапега уже не казался блестящей партией для дочери. Теперь Меншиков метил гораздо выше.

Светлейший задумал породниться с императорской фамилией, выдав дочь за наследника престола, великого князя Петра Алексеевича.

В 1726 году внуку Петра Великого, сыну царевича Алексея исполнилось 11 лет. Мальчик, по воспоминаниям современников, был крайне избалованный, самолюбивый и капризный. Наследник не любил учиться, предпочитая проводить время на охоте с молодым князем Иваном Долгоруковым и юной дочерью своего деда, Елизаветой.

Пребывая с раннего возраста при дворе, Петр рано испытал на себе его тлетворное влияние. Не изучив еще как следует букваря, наследник уже всю интересовался красивыми фрейлинами и заводил себе взрослых метресс.

Императрице Екатерине I, по большому счету обязанной Данилычу не только трон, но и самой жизнью, «проект» Меншикова о свадьбе его дочери и царевича показался вполне дельным. Петру Сапеге предложили взять в жены племянницу императрицы, молодую красавицу Софью Карловну Скавронскую. Польский шляхтич, которому уже надоело ждать «вхождения в тело» невесты, с удовольствием согласился.

Екатерине не удалось погулять на свадьбе бывшего фаворита: 6 мая 1727 года царица скончалась в возрасте 43 лет. Новым императором стал одиннадцатилетний Петр II, но всю полноту власти в своих руках сохранял Александр Данилович Меншиков.

Сиятельный князь был так уверен в своем могуществе, что вместе с бароном Остерманом, князем Голицыным и графом Головкиным практически обязал Петра II жениться на своей дочери с помощью так называемого «духовного завещания» императрицы Екатерины. Одним из его пунктов значилось следующее: *«Цесаревнам и администрации вменяется в обязанность стараться о сочетании браком великого князя с княжною Меншиковой»*.

Невиданная доселе наглость, но Данилычу она сошла с рук.

Князь П. В. Долгоруков в своих «Записках» утверждал, что одиннадцатилетний император «рыдал до изнеможения», когда ему сообщили о скорой свадьбе с Марией Меншиковой. Царь не хотел жениться, он мечтал только об играх и охоте, а женщин предпочитал веселых и озорных, а не серьезных и спокойных, как Марья.

Тем не менее всесильного Меншикова государь все еще боялся как огня. Петр II провозгласил своего будущего тестя генералиссимусом, а после обручился с Марией Меншиковой.

Мария, которую насильно разлучили с любимым человеком – Петром Сапегой, своего венценосного жениха терпеть не могла и как мужчину не воспринимала. **Дикие выходки истеричного, самовлюбленного подростка пугали ее и вгоняли в депрессию.**

При этом отец регулярно отправлял Марию в покои к императору, увещевал быть ласковой с женихом. Ослушаться отца барышня не могла, а государь жестоко насмехался над невестой, обзывал ее «фарфоровой куклой», без стеснения приглашал в свои покои веселых и активных метресс.

Частичной компенсацией для Марии стали титул императорского высочества и собственный двор, включавший в себя камергера, четырех камер-юнкеров, два десятка фрейлин, множество пажей и слуг. Из казны на содержание двора государевой невесты выделялось по 34 тысячи рублей в год. Все эти милости вручил Марии не жених, а ее всесильный отец.

Не обидел Меншиков и других членов своей семьи. Так, младшая дочь Александра и свояченица В. М. Арсеньева получили ордена святой Екатерины.

Все большее влияние на государя начало оказывать семейство Долгоруковых, прежде всего близкий друг императора Иван Долгоруков. Позиции всесильного князя Меншикова и контролируемого им Верховного тайного совета пошатнулись. Петр II уже не так сильно боялся Данилыча, которого, по слухам, Иван Долгоруков презрительно называл «бесполезным старикашкой».

Государь злился на Меншикова за то, что тот хотел женить его на Марии, но не, имея пока возможности достать до светлейшего, вымещал злость на его сыне – тринадцатилетнем Александре Меншикове.

Историк Костомаров писал об этом:

«Около государя в числе сверстников был сын Меншикова, Петр, в досаде против его отца, мстил сыну и бил до того, что тот кричал и молил о пощаде».

Мало-помалу Петр II начал «доставать» и до Меншикова. Так, однажды государь отправил своей сестре Наталье 9000 червонцев, преподнесенных царю в дар Петербургскими каменщиками. Меншиков эти деньги у служителя-курьера отнял, заявив: «Государь слишком молод и не знает, как употреблять деньги». Это вызвало гнев у Петра. «Как вы смели помешать моему придворному исполнить мой приказ?!», – топнув ногой, закричал император. Не ожидавший такой суровой реакции Меншиков был вынужден прилюдно унижаться перед малолетним государем, обещать ему миллион из собственных средств.

Свою невесту Петр больше видеть не желал и проводил время в компании метресс, щедро поставляемых во дворец Иваном Долгоруковым.

Летом 1727 года Александр Данилович сильно захворал. Для Алексея и Ивана Долгорукова эта новость стала как отмашка для беговых собак. Князя изолировали императора от любых поползновений Меншикова и всячески мешали общению Петра с будущим тестем.

Лишь 4 сентября Данилычу удалось добиться приема у императора в Петергофе. Петр II выделил светлейшему князю не больше получаса, был с Меншиковым вежлив, но невероятно холоден. Выйдя от императора, Данилыч уже знал, что ему грозит опала. Чутье не подвело всесильного временщика.

8 сентября во дворец Меншикова пришли гвардейцы. «Полудержавный властелин» был взят под стражу, а 11 сентября со всей семьей выслан в принадлежавшее Данилычу имение Раненбург (ныне – Липецкая область).

Вскоре светлейшего лишили всех званий, чинов и орденов, в его дворце прошли обыски с изъятием всех государственных документов. Марии Меншиковой царь приказал вернуть обручальный перстень. Синод строго-настрого запретил священнослужителям упоминать имя «обрученной невесты при отправлении службы Божией».

Дорвавшиеся до власти Долгоруковы старательно вымарывали ненавистного «пирожочника» Меншикова из истории семьи Романовых. Весной 1728 года начался последний акт этой драмы. У Меншиковых было отобрано почти все: обширные имения, больше 100 тысяч крестьян, семнадцать домов в Петербурге и Москве, двести торговых лавок, девять миллионов рублей на разных банковских счетах, огромное количество драгоценностей. Даже одежду, постельное белье, медную и оловянную посуду у опальной семьи конфисковали.

В апреле Меншиков с женой, двумя дочерьми и сыном отправился в ссылку в сибирский городок Березов. На подъезде к Казани, не выдержав тягот дороги и свалившегося на семью несчастья, скончалась супруга Данилыча, княгиня Дарья Михайловна.

Меншиков, как мог, старался подбодрить детей. Знаменитым на всю Россию стало высказывание опального князя: *«С простой жизни начинал, простой жизнью и закончу»*.

Слова светлейшего не разошлись с делом. Едва приехав в Березов, он взялся за топор и вместе с восемью верными слугами построил себе деревянный дом и возвел церквушку, которой могли пользоваться все березовцы.

Меншиков, продававший когда-то пирожки, познал в своей жизни немало, поэтому ему было проще переносить тяготы ссылки. А вот его дети, привыкшие к роскоши, сильно страдали. Особенно тяжело приходилось «обрученной невесте» Марии. Бедняжке пришлось вести однообразную, тяжелую, скудную и томительную жизнь. Мария с сестрой Александрой сами стирали одежду, готовили пищу, убирали в доме.

Пока был жив отец, у барышень Меншиковых была твердая защита, но вскоре ее не стало. Осенью 1729 года в Березов пришла напасть – эпидемия оспы. Меншиков заразился и 12 ноября скончался в возрасте 56 лет.

По слухам, после смерти светлейшего караулившие семью Меншиковых солдаты стали регулярно захаживать в избу барышень. Мучения Марии, впрочем, были недолгими: 26 декабря 1729 года (в день своего рождения) 18-летняя красавица скончалась от оспы, как и ее отец.

Мария так и не узнала, что за 10 дней до ее смерти несостоявшийся жених Петр II издал указ о возвращении детей Александра Даниловича в Петербург.

Указ Петра не был исполнен – воспротивились Долгоруковы. Но и им недолго оставалось упиваться властью: 19 января 1730 года Петр II скоропостижно скончался в возрасте 14 лет все от той же оспы.

Лишь в 1731 году Анна Иоанновна возвратила из Сибири остатки разрушенного «гнезда Меншикова» – 17-летнего Александра и 19-летнюю Александру.

Александр впоследствии стал генерал-аншефом, сделал блестящую карьеру в армии, был в фаворе у Екатерины II. Александра стала фрейлиной при дворе Анны Иоанновны, счастливо вышла замуж за Густава Бирона, но 13 сентября 1736 года в возрасте 23 лет умерла при родах.

Княжну Марию похоронили рядом с отцом у алтаря церкви, построенной Александром Данилычем. Через много лет вышедшая из берегов могучая река Северная Сосьва смыла эти могилы.

Так сложилась судьба девушки, которая из-за амбиций отца была лишена любви, свободы, счастья и самой жизни...

«Обрюхачена»

Постель была измята. В неясном свете луны Владимир Сергеевич с изумлением увидел Варвару. Она сидела, закрываясь руками. Тот, кому вся прелесть Варвары только что в полной мере принадлежала, находился в комнате.

Чуть ли не физически ощущая поднимающийся из глубины души черный гнев, Владимир Сергеевич решительно шагнул к незнакомцу. Тот неторопливо и хладнокровно одевался.

«Мсье», – начал Владимир по-французски и осекся, вытянувшись по струнке. Перед ним, как всегда невероятно спокойный и даже в такой ситуации кажущийся величественным, натягивал панталоны император.

Князь хотел что-то сказать царю, но слова застряли в горле. Государь застегнул золоченый мундир и, не взглянув на рыдающую женщину и своего соперника, вышел из комнаты.

Владимир и Варвара остались одни.

Морозной ночью 15 декабря 1775 года в семье князя Ильи Борисовича Туркестанова и княгини Марии Алексеевны Туркестановой (урожденной Еропкиной) родилась девочка. Когда малышка издала первый крик и стало понятно, что роды прошли вполне благополучно, Илья Борисович присел на колени перед иконой и стал горячо молиться – девочка была его первым, долгожданным ребенком от любимой супруги.

Через несколько дней новорожденную окрестили в ближайшей церкви, дав имя Варвара, что с греческого можно перевести как «иноземка». Предки малышки действительно были иноземцами в России. Илья Борисович Туркестанов принадлежал к старинному грузинскому роду Туркистанишвили. Дедушкой Варвары был знаменитый князь Баадур (Борис) Туркистанишвили, который в 1722 году выполнял различные поручения грузинского царя Вахтанга VI в его переговорах с императором Петром I относительно судьбы царства Картли (Восточная Грузия). Баадур и стал родоначальником славного рода Туркестановых.

Илья Борисович, несмотря на знатное происхождение, начал службу простым солдатом в лейб-гвардии Семеновского полка, дослужился до должности кабинет-курьера императрицы Елизаветы Петровны, получил звание секунд-майора. После завершения военной службы долгое время служил в Верховном надворном суде, став со временем его председателем.

Мама новорожденной Варвары была дочерью действительного статского советника Алексея Михайловича Еропкина и Анны Васильевны Олсуфьевой, родной сестры видного «птенца гнезда Петрова» Адама Васильевича Олсуфьева. Адам Васильевич был статс-секретарем Екатерины II и одним из крупнейших деятелей русского Просвещения, внесшим неоценимый вклад в отечественную культуру.

Так что родня у Вареньки была весьма примечательной и известной, но ту до поры до времени это совершенно не интересовало. Девочка росла в усадьбе родителей, бродила по тенистым аллеям, купалась в маленьком прудике и играла с крестьянскими детьми.

В 1788 году, когда Варваре было 12 лет, скончался ее 51-летний отец. К этому моменту в семье Туркестановых росло уже трое детей, а еще семь умерли в младенческом и раннем возрасте.

Похоронив Илью Борисовича в Донском монастыре, 38-летняя Мария Алексеевна замуж больше не выходила и посвятила себя воспитанию дочерей – Варвары, Екатерины и Софьи.

Увы, княгиня ненадолго пережила супруга – в 1795 году Мария Алексеевна скончалась. Варвара и ее сестры остались сиротами и без средств к существованию. В результате девушек «разобрали» родственники. Варвара «досталась» дяде по материнской линии, бригадиру Василию Дмитриевичу Арсеньеву.

Арсеньев отнесся к девушке как к родной дочери и в полной мере заменил ей отца. Тихая, не отличавшаяся большой красотой Варвара нашла в доме дядюшки тишину, покой и уют, в которых она так нуждалась после смерти родителей.

Княжна Туркестанова очень редко выходила в свет, большую часть времени проводя в имении дяди. Лишь в 1808 году она была наконец пожалована во фрейлины вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Умная, обходительная, образованная женщина сильно выделялась на фоне молодых и ветреных красавиц императорского двора. Все придворные обожали Варвару, а императрица считала ее своей ближайшей подругой. Вот что писал о княжне в своих «Записках» тайный советник и известный живописец граф Федор Толстой:

«Почти ежедневными посетителями были <...> и княжна Туркестанова, самая короткая приятельница обеих сестриц и любимица Марьи Алексеевны и ее мужа [не первой уже молодости], уже порядочно взрослая девушка, очень умная, хитрая, ловкая, веселая и [весьма] занимательная в салонных беседах. Почтенный дядюшка, как мне казалось, очень за ней ухаживал, и она скоро, по его просьбе, была сделана фрейльною большого двора».

Интерес к княжне Туркестановой проявлял не только «почтеннейший дядюшка» Федора Толстого, но и сам император Александр I. Государю нравилось беседовать с умной фрейлиной, он с удовольствием проводил с ней время; впрочем, поначалу отношения не выходили за рамки дозволенного.

В 1813 году государь расстался со своей фавориткой Марией Нарышкиной и отправил ее за границу. Сразу после этого Александр Павлович стал все чаще заговаривать с Варварой, приглашать ее на прогулки в сад. Вскоре пошли разговоры, что княжна Туркестанова – новая фаворитка его императорского величества.

Александр был младше Варвары на два года, но отдавал ей предпочтение перед всеми юными красавицами двора. Княжна Туркестанова не могла противиться желаниям государя, но, скорее всего, по-настоящему Александра не любила. Ее сердце еще не испытало подлинного чувства. Но всему свое время.

В 1818 году княжне Туркестановой было 42 года, и именно в этом возрасте она до безумия влюбилась в молодого красавца. Флигель-адъютанту Александра I князю Владимиру Сергеевичу Голицыну было всего 24 года. Мужчина богатырского роста, герой Отечественной войны 1812 года, получивший за храбрость Георгиевскую ленту. Веселый, богатый, остроумный, невероятно обаятельный Владимир имел репутацию коварного обольстителя.

Вот что писал о князе мемуарист Филипп Вигель:

«Более всех из братьев наделал шуму меньшей, Владимир, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлоном, он имел силу Геркулеса и был ума веселого, затейливого и оттого вся жизнь его была сцепление проказ, иногда жестоких, иногда преступных, редко безвинных».

О князе Голицыне грезил многие девушки, в том числе молодые красавицы из самых благородных семей. Но достался он разменявшей пятый десяток Варваре Туркестановой.

Княжна была так сильно влюблена, что сама открылась Владимиру. Князь ответил на чувства фрейлины, они стали регулярно встречаться.

Теперь княжне Туркестановой приходилось скрывать оба романа. При этом князь Голицын, хоть и был в курсе слухов, связывающих Варвару с императором, но не верил им.

Однако поверить пришлось. Однажды Владимир в спальне возлюбленной застал... самого императора. Государь, не обращая внимания на стоящего по стойке смирно соперника, спокойно оделся и вышел из комнаты. Варвара умоляла Владимира остаться с ней, то тот был непреклонен. Так княжна Туркестанова потеряла обоих своих мужчин.

А вскоре фрейлина узнала страшную новость – она ждет ребенка. В августе императрица Мария Федоровна отправлялась в длительное путешествие по Европе, и Варваре Ильиничне необходимо было сопровождать ее.

За границей пробыли долго, и через четыре месяца животик княжны стал неумолимо расти. Свое состояние Варваре пришлось скрывать под корсетом, что доставляло ей и моральные и физические мучения.

В конце 1818 года императрица Мария Федоровна со своим двором вернулась в Петербург, но Варваре Ильиничне как придворной фрейлине все равно приходилось участвовать в светских раутах и официальных мероприятиях. Растущий живот она прятала под одеждой.

Весной, сославшись на недомогание, княжна Туркестанова выпросила двухмесячный отпуск. В апреле Варвара благополучно родила девочку, которую назвала Марией. **Отцом малышки мог быть как Владимир Голицын, так и император.**

Появление на свет дочери Марии привело к большому скандалу. «Пала княжна Туркестанова», – говорили при дворе. Это и правда было неслыханно – незамужняя фрейлина рождает ребенка неведомо от кого. Какой пример эта 44-летняя дама подает барышням?

На голову несчастной Варвары обрушился настоящий позор. При дворе ее больше не ждали, а на улице только что не показывали пальцами.

В середине апреля дошедшая до крайней степени отчаяния фрейлина приняла яд. Зелье подействовало не сразу, бедняжка мучилась несколько недель.

Императрица Мария Федоровна, узнав об отравлении Варвары, специально приехала из Павловска, приласкала бедняжку и пробыла с ней последние часы.

Княжна Туркестанова скончалась 20 мая 1819 года.

В обществе известие о смерти княжны восприняли столь же остро, как и новость о рождении ею дочери. Князь П. А. Вяземский писал своему другу А. И. Тургеневу:

«Вчера скончалась княжна Туркестанова. Что ни говори, но она была и добрая, и любезная, и необыкновенно умная женщина. Благодетельствовала многим, несмотря на недостаточное состояние, и оставила приятные о себе воспоминания в многочисленном знакомстве...»

Эти слова Петра Андреевича в полной мере передают характер княжны Туркестановой. Рано потерявшая родителей, небогатая женщина находила возможность помогать нуждающимся...

После смерти княжны в свете началось обсуждение: кто же ее погубил? Государя, как особу священную, от слухов старались оградить, поэтому виновником падения Варвары был «назначен» Владимир Голицын. Даже Пушкин, не любивший Александра I, отмечал в дневнике:

«Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил».

Чтобы не провоцировать дальнейших слухов, императрица Мария Федоровна повелела сообщить, что ее фрейлина скончалась от холеры.

Но что же «коварный обольститель» Владимир? Обрюхаченная князем Варвара даже после драматического разрыва верила в добрую душу Вольдемара:

«Он раскаивается во всех своих безумных поступках; в нем заронены семена всего доброго и прекрасного, но никто не позаботился о их развитии; у него есть ум и доброе сердце».

Чуткая душа Варвары не обманула ее. Владимир принял дочь фрейлины в своем доме, дал свое отчество. В семье князей Голицыных Марию прозвали Мими и очень любили.

В 1821 году Владимир женился на дочери помещика Прасковье Матюниной, которая родила ему семерых детей. Добрая и простая женщина, Прасковья Николаевна всем сердцем привязалась к Мими и считала ее своей дочерью.

Впоследствии Владимир Сергеевич служил на Кавказе, был ранен, прославился в свете как балагур, весельчак и сочинитель неплохих стихов. Дружил с Пушкиным и Лермонтовым.

Князь Голицын выдал 23-летнюю дочку Мими за Ивана Аркадьевича Нелидова, брата фаворитки Николая I Варвары Нелидовой.

Казалось, судьба девушки будет счастливой, но через год после свадьбы Мими тяжело заболела и скончалась. Отец сильно переживал утрату. Спасло его только новое назначение по службе: генерал-майора Голицына определили в командующие центра Кавказской линии, и он с головой ушел в работу.

Выйдя в 1849 году в отставку, Голицын поселился с семьей в Москве в большом доме у Бутырской заставы. Здесь генерал прожил много лет в счастье и покое. Скончался Владимир Сергеевич 7 января 1861 года в возрасте 66 лет.

О княжне, которую князь когда-то «обрюхатил», Владимир Сергеевич предпочитал не вспоминать и очень обижался на преследовавшие его до конца жизни неприятные слухи.

Так сложилась судьба женщины, которая заплатила страшную цену за краткий миг счастья, за беззаветную любовь. Пожалела ли она об этом, когда яд проникал в ее кровь? Кто знает...

На глазах у отца

Отказа князь не стерпел. Зазвенели мечи, запылали соломенные крыши, заголосили девки. Вскоре все было кончено.

Юная Рогнеда укрылась в тереме и, дрожа всем телом, смотрела из окошка, как княжеская дружина расправляется с людьми, которых она знала и любила с детства.

«Где Рогнеда? – услышала княжна жуткий крик и тут же на площадь перед теремом выскочил крупный бородатый ратник. – Княже желает быть с нею на глазах ее отца и матери!»

Рогнеда, услышав эти слова, едва не лишилась чувств. Она сразу же поняла, как именно князь хочет «быть» с ней. Но за что этот кошмар ее родителям? Уж лучше бы смерть!

«В тереме небось, Добрыня!» – с мерзким смешком крикнул кто-то во дворе. Дверь затрещала от страшных ударов, и вскоре на пороге опочивальни появился тот самый бородач.

«Вот ты где, княжна! – усмехнулся он. – Отвергнутый тобою князь потолковать хочет».

Жена князя полоцкого Рогволода подарила супругу дочку, которую назвали Рогнедой.

Отец княжны был из варягов, имя его по-скандинавски звучало как Рёгнвальд. Имя же Рогнеды звучало как Рагнхильд. С отрядом верных воинов Рогволод пришел на Русь из-за моря, осел в Полоцке (ныне – Витебская область Белоруссии) и стал этим городом владеть как князь.

В отличие от многих других русских князей, Рогволод не принадлежал к Рюриковичам, осевшим сначала в Новгороде, затем в Киеве, и правившим на многих землях восточных славян. Полоцкий владыка был основателем собственной княжеской династии – Рогволодовичей.

Рогнеда росла в Полоцке, в тереме посреди великолепной природы. Помимо дочери, у князя было еще двое сыновей, имена которых в истории не сохранились.

Вокруг юной княжны крутился целый штат мамок, нянек да дворовых девок. Рогнеду с детства учили быть услужливой будущему мужу, но при этом в обучение девочки входили также уроки езды на лошади, стрельбы из лука и даже сражения на мечах – в те беспокойные времена женщина должна была уметь постоять за себя.

Когда Рогнеде исполнилось 16 лет, она превратилась в настоящую красавицу: высокая, стройная, с длинной толстой косой и чистейшей белой кожей. Многие достойные князья присматривались к Рогнеде, но ее объявили невестой Ярополка Святославича, великого князя Киевского.

Рогволод прекрасно понимал, что усилить небольшое княжество можно только за счет укрепления связей с Рюриковичами, а брак для этого – самое надежное средство.

Прознав, что Ярополк желает взять в жены полоцкую княжну, Рогнедой заинтересовался и его брат, новгородский князь Владимир.

С 975 года между братьями шла усобица, и Владимир стремился во всем опередить Ярополка. Историк культуры Константин Богданов так писал об этом:

«Между братьями с самого начала сложились довольно непростые отношения. Они были рождены от разных матерей и в дальнейшем воспитывались порознь. У каждого из них были свои родичи и наставники, к советам которых они прислушивались гораздо чаще, чем следовало бы это делать. Позднее отсутствие взаимной симпатии и доверия между братьями сыграло с ними роковую роль. Амбиции наставников только усугубили разлад,

наметившийся еще в их детских душах и с возрастом становившийся все сильнее».

На этот раз предметом соперничества невольно стала Рогнеда.

Не дожидаясь, пока Ярополк прибудет в Полоцк, Владимир сам заявился к князю Рогволоду и попросил руки его дочери. Ответ дала сама Рогнеда: *«Не хочу розути робича»*.

Это было вдвойне оскорбительно. Во-первых, княжна отказала Владимиру: невесты на Руси снимали с женихов обувь; это означало, что предложение о свадьбе принято. Во-вторых, Рогнеда назвала Владимира «робичем», то есть сыном рабыни.

Матерью князя была Малуша – наложница его отца Святослава Игоревича. Нельзя исключать, что Владимир не обратил бы внимания на оскорбление и, получив отказ, спокойно удалился бы в новгородские земли. Однако в дело вмешался воевода Добрыня Малкович – наставник князя, его дядя по материнской линии.

Добрыня взбеленился из-за слов Рогнеды в адрес сестры и, как сказано в «Лаврентьевской летописи», приказал Владимиру «быть с ней перед отцом ее и матерью». Князь не пожелал или же не посмел перечить дяде. Собрав рать из новгородцев, кривичей, чуди и варягов, Владимир снова пришел к стенам Полоцка. Князь Рогволод как раз готовился везти дочь в Киев, где она должна была стать женой Ярополка.

После ожесточенного боя Полоцк взяли ратники Владимира. Рогволода с женой и детьми вывели на крепостную стену, после чего Владимир «был» с Рогнедой на глазах у ее отца и матери.

Совершив свое черное дело, князь не успокоился и, выхватив меч, расправился с отцом и братьями несостоявшейся невесты.

Рогнеду Владимир забрал с собой, сделав своей наложницей.

Закончив «дела» в Полоцке, князь Владимир отправился в Киев. Новгородцы подошли к древнему граду. Осада продолжалась длительное время, пока в окружении Ярополка не нашлось предателя. Воевода Иона Блуд убедил князя, что Киев отстоять невозможно, поэтому необходимо переждать с дружиной в городе-крепости Родень близ впадения в Днепр реки Рось.

Ярополк послушался Блуда, укрылся в Родне, а уже через неделю город окружило войско Владимира. В крепости начался голод, люди Ярополка стали роптать. Блуд уговорил Ярополка вступить с братом в переговоры. Киевский князь прибыл к Владимиру, где два варяга «подняли его мечами под пазухи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.